



ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ САЛЫСТЫРМАЛЫ ҚҰҚЫҚТАНУ / МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ / INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

УДК 341.24; 341.3
МРНТИ 10.87.68

Н.К. Амиров¹, Б.С. Ашыралиева²

¹Университет Нархоз, г. Алматы, Республика Казахстан

²Университет международного бизнеса имени К. Сагадиева, г. Алматы, Республика Казахстан

ГИБРИДНЫЕ ВОЙНЫ, СМЕШАННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье анализируются особенности гибридных войн как новой формы вооруженных конфликтов XXI века, объединяющих военные, политические, экономические, кибернетические и информационные методы воздействия. Особое внимание уделено роли смешанных вооруженных формирований, включающих регулярные и нерегулярные компоненты, а также проблеме их правового статуса в контексте международного гуманитарного права. Рассматриваются положения Женевских конвенций 1949 года, Дополнительных протоколов 1977 года и практика международных трибуналов, включая дело Tadić (1995), в части критериев интенсивности и организации конфликта. Отдельное внимание уделено приложимости принципов международного гуманитарного права к кибероперациям в свете Таллиннского руководства по международному праву, применимому к кибервойне (2013 г.). Подчеркивается, что гибридный характер конфликтов не освобождает стороны от соблюдения гуманитарных норм.

Ключевые слова: гибридная война; Женевская конвенция; Дополнительный протокол; Таллиннское руководство; конфликт; международное гуманитарное право; государство.

Н.К. Амиров¹, Б.С. Ашыралиева²

¹Нархоз университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

²К. Сағадиев атындағы халықаралық бизнес университеті, Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ГИБРИДТІ СОҒЫСТАР, АРАЛАС ҚАРУЛЫ ҚҰРЫЛЫМДАР ЖӘНЕ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ГУМАНИТАРЛЫҚ ҚҰҚЫҚТЫ ҚОЛДАНУ

Аннотация. Мақалада ХХІ ғасырдағы жаңа қарулы қақтығыстарының түрі болып саналатын гибриді соғыстардың ерекшеліктері талданады. Бұл қақтығыстар әскери, саяси, экономикалық, кибернетикалық және ақпараттық ықпал ету әдістерін біріктіреді. Ерекше назар құрамында тұрақты және тұрақсыз элементтері бар аралас қарулы құрылымдардың рөліне, сондай-ақ халықаралық гуманитарлық құқық шеңберіндегі олардың құқықтық мәртебесіне аударылады. 1949 жылғы Женева конвенцияларының, 1977 жылғы Қосымша хаттамалардың және халықаралық трибуналдар тәжірибесінің, соның ішінде Tadić ісінің (1995 ж.), қақтығыстың қарқындылығы мен ұйымдасқандығының өлшемдері тұрғысынан қарастырылуы ұсынылады. Сонымен қатар, Таллинн жетекшілігінің (2013 ж.) киберсоғыстарға қолданылатын халықаралық құқық нормалары аясында кибероперацияларға ХГҚ қағидаттарының қолданылуына қатысты мәселелер қарастырылады. Мақалада гибриді қақтығыстардың сипаты тараптарды гуманитарлық нормаларды сақтаудан босатпайтыны атап өтіледі.

Түйінді сөздер: гибриді соғыс; Женева конвенциясы; Қосымша хаттама; Таллинн жетекшілігі; жанжал; халықаралық гуманитарлық құқық; мемлекет.



N.K. Amirov¹, B.S. Ashyralieva²

¹Narkhoz University, Almaty, the Republic of Kazakhstan

²K. Sagadiev University of International Business, Almaty, the Republic of Kazakhstan

HYBRID WARS, MIXED ARMED GROUPS AND THE APPLICATION OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Abstract. The article analyzes the characteristics of hybrid wars as a new form of armed conflict in the 21st century, combining military, political, economic, cyber, and informational methods of influence. Special attention is given to the role of mixed armed groups that include both regular and irregular components, as well as the issue of their legal status within the framework of international humanitarian law (IHL). The study examines the provisions of the 1949 Geneva Conventions, the 1977 Additional Protocols, and the practice of international tribunals, including the Tadić case (1995), with respect to the criteria of intensity and organization of a conflict. Particular attention is paid to the applicability of IHL principles to cyber operations in light of the Tallinn Manual on the International Law Applicable to Cyber Warfare (2013). The article emphasizes that the hybrid nature of conflicts does not exempt parties from complying with humanitarian norms.

Keywords: hybrid war; Geneva Convention; Additional Protocol; Tallinn Manual; war; international humanitarian law; states.

DOI: 10.52425/25187252_2026_39_189

Введение. Современные вооруженные конфликты приобретают все более сложный и многоуровневый характер. В XXI веке на первый план выходит феномен гибридных войн, сочетающих в себе традиционные и нетрадиционные способы ведения военных действий. В отличие от классических войн, предполагающих открытое противостояние между регулярными вооруженными силами государств, гибридные конфликты характеризуются размытостью границ между войной и миром, использованием нерегулярных вооруженных формирований, информационно-психологическим воздействием и применением кибертехнологий. Такие войны направлены не только на физическое уничтожение противника, но и на подрыв его политической устойчивости, экономического потенциала и общественного сознания.

Появление гибридных войн стало закономерным результатом трансформации международных отношений в условиях глобализации и технологического прогресса. Границы между государственными и негосударственными акторами все чаще стираются, т.к. в вооруженные конфликты

вовлекаются частные военные компании (далее – ЧВК), ополченческие формирования, добровольческие батальоны, иностранные наемники и прокси-группы. Эти структуры нередко действуют в интересах государств, но без их официального признания, что усложняет определение правового статуса участников конфликта и распределение ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права (далее – МГП).

Вопрос о применимости МГП в условиях гибридных войн является одной из наиболее актуальных проблем современной науки международного права. Женевские конвенции 1949¹ года и Дополнительные протоколы 1977² года создавались в эпоху традиционных вооруженных конфликтов и исходили из четкой дихотомии – международные и немеждународные войны. Однако гибридные конфликты не всегда укладываются в эту классификацию, поскольку в них присутствуют признаки обоих типов.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью

¹ Geneva convention relative to the protection of civilian persons in time of war of 12 august 1949 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.33_GC-IV-EN.pdf (дата обращения: 15.11.2025).

² Protocol additional to the Geneva conventions of 12 august 1949, and relating to the protection of victims of international armed conflicts (protocol I), of 8 June 1977 [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/atrocities-crimes/Doc.34_AP-I-EN.pdf (дата обращения: 15.11.2025).



переосмысления роли и механизмов действия МГП в новых реалиях гибридных конфликтов, определения статуса смешанных вооруженных формирований, а также выработки правовых подходов, обеспечивающих соблюдение гуманитарных норм в ситуациях, выходящих за рамки классических моделей войны.

Цель исследования заключается в анализе правовой природы гибридных войн и оценке применимости норм МГП к новым формам вооруженного противоборства.

Материалы и методы. Для всестороннего анализа особенностей гибридных войн, роли участвующих в них смешанных вооруженных формирований и применения норм международного гуманитарного права авторами были изучены ключевые международно-правовые акты, регулирующие ведение вооруженных конфликтов. В их числе: Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года.

В качестве методов научного исследования применялись: сравнительно-правовой анализ международных документов, метод системного подхода к изучению феномена гибридных войн, анализ судебной практики международных трибуналов и метод историко-правового сопоставления. Дополнительно использовались элементы контент-анализа докладов ООН и Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), а также сравнительный анализ международных и национальных источников права, регулирующих поведение сторон в условиях конфликтов смешанного характера.

Результаты, обсуждение. Термин «гибридная война» впервые получил широкое распространение в начале XXI века, хотя отдельные ее элементы имели место и ранее – в конфликтах во Вьетнаме, Афганистане и на Ближнем Востоке. Гибридная война представляет собой комбинацию традиционных и нетрадиционных методов ведения войны, включая использование нерегулярных вооруженных формирований, кибератак, экономических санкций, пропаганды и дезинформации.

Согласно определению, предлагаемому экспертами НАТО, гибридная война

– это стратегия, которая сочетает военные, политические, экономические и информационные средства с целью дестабилизации государства без прямого объявления войны. В отличие от классических войн, в гибридных конфликтах границы между внутригосударственной и международной деятельностью, между военными и гражданскими объектами становятся размытыми.

Основными признаками гибридных войн можно считать:

- 1) отсутствие официального объявления войны;
- 2) использование нерегулярных вооруженных формирований, действующих под прикрытием или без опознавательных знаков;
- 3) активное применение информационно-психологического воздействия;
- 4) вмешательство во внутренние дела государств с использованием для атак киберпространства;
- 5) недостаточность, а порой и полное отсутствие дефиниций и терминологической базы для идентификации сторон конфликта в МГП [1].

Одним из ключевых элементов гибридных войн являются смешанные вооруженные формирования – структуры, включающие в себя как регулярные, так и нерегулярные компоненты. Они могут состоять из вооруженных сил государства, ЧВК, добровольческих батальонов, ополчений, иностранных наемников или местных вооруженных групп.

Экстремизм и терроризм в условиях современных международных отношений все чаще рассматриваются как инструменты гибридной войны, представляющей собой сложную форму противоборства, сочетающую военные и невоенные методы воздействия на государство-противника. В рамках данной стратегии экстремистские и террористические структуры могут использоваться как средства дестабилизации политической системы, подрыва общественной безопасности и формирования атмосферы страха и социальной напряженности. Их деятельность направлена не только на совершение



насильственных актов, но и на разрушение институциональной устойчивости государства, дискредитацию органов власти и провоцирование внутренних конфликтов. В этом контексте экстремизм и терроризм выступают элементами асимметричного воздействия, позволяющими субъектам гибридного противоборства достигать политических и геостратегических целей без прямого применения регулярных вооруженных сил, что существенно осложняет их выявление, квалификацию и международно-правовое противодействие.

С точки зрения МГП, вопрос о правовом статусе таких формирований является крайне сложным. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы 1977 года исходят из четкой классификации сторон:

- участники международных вооруженных конфликтов (ст. 2 Общей статьи Конвенций);
- участники немеждународных конфликтов (ст. 3 Общей статьи)³;
- комбатанты и некомбатанты (ст.ст. 43 и 50 Дополнительного протокола I)⁴.

Однако смешанные формирования часто не подпадают под эти категории полностью. Их участники нередко действуют без официальных эмблем, не соблюдают правила ношения оружия открыто и не подчиняются централизованному командованию. Это ставит под сомнение их право на статус комбатантов и, следовательно, на защиту, предусмотренную для военнопленных.

В то же время, как отмечает МККК, правовой вакуум в отношении новых типов участников конфликта недопустим. Даже если конкретное вооруженное формирование не признано комбатантским, его действия и жертвы подпадают под защиту базовых норм МГП, в частности статьи 3 Общей статьи Женевских конвенций

и обычных норм, регулирующих гуманное обращение с лицами, не принимающими участия в боевых действиях⁵. Также доклад МККК «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» (2024)⁶ анализирует основные проблемы применения норм международного гуманитарного права в условиях современных войн. В документе подчеркивается рост числа и продолжительности вооруженных конфликтов, расширение гибридных форм противоборства и использование новых технологий ведения войны, что создает дополнительные риски для гражданского населения. МККК отмечает, что ключевой проблемой является не недостаток правовых норм, а их систематическое несоблюдение сторонами конфликтов, что требует усиления механизмов обеспечения и продвижения соблюдения норм международного гуманитарного права.

Применимость МГП в гибридных конфликтах зависит от целей, критерия интенсивности и организации конфликтующих сторон. Если уровень насилия и структура участников соответствуют порогам, установленным Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в деле «Прокурор против Душко Тадича» (одно из самых известных дел этого трибунала, решение по которому было вынесено в 1995 г.), конфликт может быть квалифицирован как немеждународный вооруженный конфликт, даже если в нем задействованы прокси-группы или ЧВК⁷.

Одним из центральных вызовов является атрибуция ответственности: кому приписывать действия нерегулярных формирований – самим группам или государствам, которые их поддерживают? Международный суд ООН в деле «Никарагуа против США» (1986 г.) установил критерий

³ Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/geneva-convention-relative-protection-civilian-persons-time-war> (дата обращения: 15.11.2025).

⁴ Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977> (дата обращения: 15.11.2025).

⁵ Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/geneva-convention-relative-protection-civilian-persons-time-war> (дата обращения: 15.11.2025).

⁶ Доклад МККК, 2024 г.: «Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/report/2024-icrc-report-ihl-and-challenges-contemporary-armed-conflicts> (дата обращения: 15.11.2025).

⁷ «Prijedor» (IT-94-1) Dusko Tadic [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.icty.org/x/cases/tadic/cis/en/cis_tadic_en.pdf (дата обращения: 15.11.2025).



«эффективного контроля»⁸, согласно которому государство несет ответственность за действия групп, если оно контролирует их операции. В гибридных конфликтах применение этого критерия затруднено: государства могут оказывать поддержку, не осуществляя полного контроля.

Тем не менее, нормы МГП продолжают действовать независимо от формы, методов и участников военных действий. Запрет на нападение на гражданское население, запрещенные методы ведения войны, гуманное обращение с пленными и обязанность различать комбатантов и некомбатантов сохраняют силу и при гибридных сценариях. Таким образом, гибридный характер конфликта не освобождает стороны от ответственности за нарушения гуманитарного права [2].

Одна из главных трудностей применения МГП в гибридных войнах заключается в размытости правового статуса участников. Комбатанты, наемники, частные военные подрядчики и кибероператоры часто действуют в серой зоне между военной и гражданской деятельностью. Это создает проблемы при квалификации их действий как военных преступлений или нарушений гуманитарного права [3].

Кроме того, информационные и кибероперации, хотя и могут иметь разрушительные последствия, не всегда подпадают под традиционные определения «вооруженного нападения» или «использования силы». В ответ международные организации и экспертные группы (в частности, Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибервойне, 2013 г.)⁹ пытаются адаптировать принципы МГП к новым видам конфликтов.

«Таллинское руководство по международному праву, применимому к кибернетическим войнам» 2013 года является результатом трехлетней работы международной группы экспертов (International Group of Experts) под

руководством профессора Майкла Н. Шмитта [4]. Проект имел исследовательский характер с целью проанализировать влияние норм международного права, которые применяются в условиях вооруженных конфликтов, на кибероперации. На основании проведенных исследований эксперты пришли к следующим выводам.

1. *Применимость традиционных норм (jus ad bellum и МГП) к кибероперациям.* Согласно результатам анализа, основополагающие принципы международного права (включая запрет на применение силы по ст. 2(4) Устава ООН и право на самооборону по ст. 51)¹⁰ могут применяться к кибероперациям. Это означает, что некоторые кибератаки могут квалифицироваться как «использование силы» или даже «вооруженное нападение», предполагающие реализацию права на самооборону. Вопрос степени ответственности агрессора в каждом отдельном случае должен зависеть от масштаба причиненного ущерба, т.к. не каждая вредоносная кибератака – это «вооруженное нападение». Для признания ее таковой необходим фактический ущерб как то: гибель людей, значительный материальный ущерб, разрушение инфраструктуры и стратегических объектов и т.д. Эксперты указывают, что в ряде случаев кибероперации можно классифицировать как «акт применения силы». Так, например, к такого рода атакам можно отнести запуск Stuxnet – сложного компьютерного вируса, который стал первым известным в истории примером кибероружия, созданного для нанесения физического ущерба промышленным объектам. Его появление в 2010 году ознаменовало новую эпоху – когда атаки в киберпространстве стали способными вызывать реальные разрушения, сопоставимые с потерями на войне [5].

2. *Суверенитет в киберпространстве и вмешательство/нарушение суверенитета.* «Таллинское руководство» проанализировало состояние принципа государственного суверенитета в условиях реализации киб-

⁸ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/case/70#:~:text=From%20to%2020%20September,of%20its%20object%20and%20purpose>. (дата обращения: 15.11.2025).

⁹ Tallinn Guide to International Law Applicable to Cyber Warfare, 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.onlinelibrary.iihl.org/wp-content/uploads/2021/05/2017-Tallinn-Manual-2.0.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁰ United Nations Charter (full text) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.11.2025).



ропераций и пришло к выводу о том, что операции, приводящие на территории другого государства к информационной дестабилизации и потере контроля в информационном поле, нарушают его суверенитет. При этом отмечаются трудности практической атрибуции и доказывания вмешательства, особенно когда действие идет через прокси-субъектов (например, вооруженных группировок и ополчений, ЧВК, хакерских групп, политических движений и партий, медиа- и информационных структур) и иные скрытые инфраструктуры [6].

3. Применимость МГП (*jus in bello*).

Если кибероперации происходят в контексте вооруженного конфликта, т.е. при наличии достаточного уровня интенсивности боевых действий и организованности сторон, то к ним применяются нормы МГП. Это означает, что все основные принципы МГП сохраняют силу и в киберпространстве, в т.ч.:

- принцип различия (обязанность различать военные и гражданские объекты);
- принцип пропорциональности (запрет на атаки, в которых ожидаемый ущерб гражданскому населению несоразмерен военной выгоде);
- запрет неизбирательных атак;
- запрет причинения излишних страданий и ненужных разрушений.

Эти нормы одинаково применимы как к традиционным, так и к кибероперациям, если последние имеют военные цели и вызывают реальные военные последствия [7].

«Таллиннское руководство» уточняет, как следует понимать такие ключевые категории МГП, как «военные цели» и «объекты, находящиеся под защитой», применительно к киберсреде. Оно объясняет, каким образом принципы гуманитарного права должны применяться при планировании и проведении кибератак, а также при защите гражданской инфраструктуры от них.

Таким образом, «Таллиннское руководство» опирается на общие принципы международной ответственности государств, которая устанавливает, что государство несет ответственность за операции, осуществляемые государственными органами или подконтрольными им прокси-

субъектами.

В условиях гибридных войн, где нередко используются субъекты, остающиеся в «тени», доказать прямую причастность государственной власти к этим операциям остается весьма сложной задачей. Так, на примере военных конфликтов последних десятилетий мы можем наблюдать активное применение технологий гибридных войн:

1) конфликт на востоке Украины (с 2014 г.), где активно применялись смешанные вооруженные формирования, информационные кампании и кибератаки;

2) военные действия в Сирии, где взаимодействуют государственные и негосударственные акторы, включая ЧВК и иностранные ополчения;

3) кибератаки на стратегические объекты и инфраструктуры ряда стран, сопровождаемые дезинформационными кампаниями [8].

Современные вооруженные конфликты и полномасштабные войны демонстрируют, что гибридная война – это не исключение, а новая норма международных отношений, требующая адаптации МГП к реалиям XXI века.

Хотя МГП изначально создавалось как гибкая система норм, применимая в любых условиях вооруженных конфликтов, современные вызовы ставят под сомнение его способность точно и своевременно реагировать на новые формы ведения войны. Появление киберопераций, автономных вооруженных систем, гибридных конфликтов и участие негосударственных акторов демонстрируют ограниченность традиционных правовых категорий и механизмов ответственности. В связи с этим возникает необходимость обновления правовых подходов, чтобы обеспечить эффективную защиту жертв конфликтов и соблюдение гуманитарных принципов в условиях изменяющейся военной реальности [9].

Закключение. Проведенный анализ показывает, что гибридная война представляет собой качественно новую форму международного противоборства, в которой традиционные военные действия сочетаются с широким



спектром невоенных инструментов воздействия – информационных, экономических, кибернетических и политических [10]. В отличие от классических вооруженных конфликтов, гибридные войны характеризуются высокой степенью скрытности, неопределенностью субъектов и размытостью границ между мирным и военным состоянием. Это существенно осложняет применение норм международного гуманитарного права (МГП), которые изначально были разработаны для более четко структурированных форм вооруженного противостояния.

Сравнительный анализ современных конфликтов показывает, что гибридные войны отличаются от традиционных войн по нескольким ключевым параметрам. Во-первых, в гибридных конфликтах активно используются прокси-акторы – нерегулярные вооруженные формирования, частные военные компании, экстремистские и террористические группы, а также киберструктуры. Во-вторых, основным инструментом воздействия становится не столько прямое вооруженное столкновение, сколько системная дестабилизация политической, экономической и информационной среды государства. В-третьих, значительно возрастает роль киберпространства и информационных операций, способных оказывать стратегическое воздействие без применения традиционного оружия.

Анализ международной практики (конфликты в Украине, Сирии, а также кибероперации против критической инфраструктуры различных государств) позволяет сделать вывод о формировании новой модели вооруженных конфликтов, в которой государственные и негосударственные акторы действуют одновременно в нескольких взаимосвязанных пространствах: военном, информационном, экономическом и кибернетическом. При этом существующие правовые механизмы международного гуманитарного права, хотя и сохраняют свою универсальную применимость, сталкиваются с трудностями при квалификации таких конфликтов, определении статуса

участников и установлении международной ответственности государств.

В связи с этим представляется возможным предложить дополнительные критерии идентификации гибридной войны, которые могли бы уточнить ее правовую и научную характеристику:

1) многоуровневость конфликтного воздействия – одновременное применение военных, информационных, экономических и кибернетических инструментов давления на государство;

2) использование прокси-субъектов – участие негосударственных акторов, действующих в интересах или при поддержке государства, но формально не входящих в состав его вооруженных сил;

3) целенаправленная дестабилизация внутренней системы государства – воздействие на политические институты, общественное мнение, экономическую стабильность и социальную безопасность;

4) размывание границы между миром и войной – отсутствие официального объявления войны при фактическом осуществлении враждебных действий;

5) доминирование информационно-кибернетического компонента – использование кибератак, дезинформации и психологических операций как ключевых инструментов стратегического давления;

6) сложность атрибуции ответственности – использование скрытых или опосредованных механизмов вмешательства, затрудняющих доказательство участия государства.

Вывод по итогам сравнительного анализа заключается в том, что если традиционные войны основываются на прямом военном столкновении государств, то гибридные конфликты ориентированы на комплексное ослабление государства-противника без официального вступления в войну. В результате основной ареной противоборства становится не только поле боя, но и политическая система, экономика, информационное пространство и общественное сознание.

В этих условиях актуальной задачей международного права является разработка новых правовых и институциональных



решений, направленных на адаптацию гуманитарных норм к гибридным формам конфликтов. К числу возможных направлений развития можно отнести:

- уточнение международно-правового статуса смешанных вооруженных формирований и частных военных компаний;
- разработку более четких критериев международной ответственности государств за действия прокси-акторов;
- развитие международных механизмов атрибуции кибератак;
- формирование универсальных норм защиты гражданской инфраструктуры и информационного пространства в условиях гибридных конфликтов;
- усиление международного контроля за

соблюдением норм МГП и ответственности за их нарушение.

Таким образом, гибридная война становится одной из ключевых форм конфликтов XXI века. Несмотря на то, что основные принципы международного гуманитарного права сохраняют свою актуальность, современная практика требует их дальнейшего развития и адаптации. Формирование более четких критериев гибридных конфликтов и совершенствование механизмов международно-правовой ответственности позволит повысить эффективность защиты гражданского населения и укрепить международную систему безопасности в условиях новой военно-политической реальности.

Список использованной литературы:

1. Caliskan, M. Hybrid Warfare through the Lens of Strategic Theory / M. Caliskan // Defense and Security Analysis. – 2019. – № 35 (1). – Pp. 40-58.
2. Eberle, J. Anxiety geopolitics: Hybrid warfare, civilisational geopolitics, and the Janus-faced politics of anxiety / J. Eberle, J. Daniel // Political Geography. – 2022. – Vol. 92. – 102502.
3. Mumford, A. Carlucci P. Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means / A. Mumford // European Journal of International Security. – 2023. – № 8 (2). – Pp. 192-206.
4. L. Malkoo. The Tallinn Manual as an international event [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://icds.ee/en/the-tallinn-manual-as-an-international-event/> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Aanonsen, C.E. Stuxnet, revisited (again): producing the strategic relevance of cyber operations / C.E. Aanonsen // Journal of Cyber Policy. – 2025. – Vol. 10. № 1. – Pp. 68-84.
6. S. Boulous. The Tallinn Manual and Jus ad bellum: Some Critical Notes [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/317171275_The_Tallinn_Manual_and_Jus_ad_bellum_Some_Critical_Notes (дата обращения: 15.11.2025).
7. E.T. Jensen. The Tallinn manual: highlights and insights [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/05/48-3-The-Tallinn-Manual-2.0.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
8. F. Basholli. Cyber warfare, a new aspect of modern warfare [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/377748586_Cyber_warfare_a_new_aspect_of_modern_warfare (дата обращения: 15.11.2025).
9. Бишманов, К.М. Новейшие технологии в современных вооруженных конфликтах и международное гуманитарное право научный журнал / К.М. Бишманов, А.И. Рзабай // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 1 (35). – С. 210-220.
10. Бекежанов, Д.Н. Гибридті соғыс жағдайында жеке әскери компаниялар / Д.Н. Бекежанов, С.А. Алжанкулова // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 4 (38). – 246-255 б.

References:

1. Caliskan, M. Hybrid Warfare through the Lens of Strategic Theory / M. Caliskan // Defense and Security Analysis. – 2019. – № 35 (1). – Pp. 40-58.
2. Eberle, J. Anxiety geopolitics: Hybrid warfare, civilisational geopolitics, and the Janus-faced politics of anxiety / J. Eberle, J. Daniel // Political Geography. – 2022. – Vol. 92. – 102502.



3. Mumford, A. Carlucci P. Hybrid warfare: The continuation of ambiguity by other means / A. Mumford // *European Journal of International Security*. – 2023. – № 8 (2). – Pp. 192-206.
4. L. Malkoo. The Tallinn Manual as an international event [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://icds.ee/en/the-tallinn-manual-as-an-international-event/> (data obrashhenija: 15.11.2025).
5. Aanonsen, C.E. Stuxnet, revisited (again): producing the strategic relevance of cyber operations / C.E. Aanonsen // *Journal of Cyber Policy*. – 2025. – Vol. 10. № 1. – Pp. 68-84.
6. S. Boulos. The Tallinn Manual and Jus ad bellum: Some Critical Notes [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/317171275_The_Tallinn_Manual_and_Jus_ad_bellum_Some_Critical_Notes (data obrashhenija: 15.11.2025).
7. E.T. Jensen. The Tallinn manual: highlights and insights [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.law.georgetown.edu/international-law-journal/wp-content/uploads/sites/21/2018/05/48-3-The-Tallinn-Manual-2.0.pdf> (data obrashhenija: 15.11.2025).
8. F. Basholli. Cyber warfare, a new aspect of modern warfare [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.researchgate.net/publication/377748586_Cyber_warfare_a_new_aspect_of_modern_warfare (data obrashhenija: 15.11.2025).
9. Bishmanov, K.M. Novejshie tehnologii v sovremennyh vooruzhennyh konfliktah i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo nauchnyj zhurnal / K.M. Bishmanov, A.I. Rzabaj // *Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy*. – 2025. – № 1 (35). – S. 210-220.
10. Bekezhanov, D.N. Gibridti sořys zhardajynda zheke әskerі kompanijalar / D.N. Bekezhanov, S.A. Alzhankulova // *Құқық қорғау органдары академиясының Zharshysy*. – 2025. – № 4 (38). – 246-255 b.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Нурлан Кузембаевич Амиров – Нархоз университетінің Құқық және мемлекеттік басқару мектебінің ассистент-профессоры, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: nurlan.amirov.00@inbox.ru.

Амиров Нурлан Кузембаевич – ассистент-профессор школы Права и государственного управления университета Нархоз, кандидат юридических наук, e-mail: nurlan.amirov.00@inbox.ru.

Amirov Nurlan Kuzembaevich – Associate Professor of the School of Law and Public Administration Narkhoz University, Candidate of Law, e-mail: nurlan.amirov.00@inbox.ru.

Баян Советбековна Ашыралиева – К. Сағадиев атындағы Халықаралық бизнес университетінің әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар кафедрасының доценті, заң ғылымдарының кандидаты, e-mail: lira.muza.75@mail.ru.

Ашыралиева Баян Советбековна – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Университета международного бизнеса имени К. Сагадиева, кандидат юридических наук, e-mail: lira.muza.75@mail.ru.

Ashyralieva Bayan Sovetbekovna – Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at K. Sagadiev University of International Business, Candidate of Law, e-mail: lira.muza.75@mail.ru.